

Закон бумеранга

Святослав Яров

Святослав Яров

Закон бумеранга

<https://litres.ru/73458684>

SelfPub; 2026

Аннотация

Галина Артамонова - успешная, красивая сорокалетняя женщина, - счастлива в новом браке и ждёт ребёнка. Неожиданно она выбрасывается из окна с двенадцатого этажа. Никаких сомнений в том, что произошло самоубийство, нет. Соответственно, нет и повода для официального расследования. Но что побудило её свести счёты с жизнью? Этим вопросом задаются два её бывших друга-одноклассника Никита и Николай, с которыми она не виделась четверть века и возобновила общение лишь после юбилейной встречи выпускников, состоявшейся за несколько дней до трагедии. Никита - опытный сыщик, начальник отдела уголовного розыска округа, где как раз и случилось несчастье. Николай, по его словам, специализируется на разработке систем защиты от киберугроз. Действуя на свой страх и риск, друзья проводят своё собственное частное расследование, чтобы выяснить причины произошедшего и докопаться до истины.

Святослав Яров

Закон бумеранга

Встреча выпускников

– ...Все клятвенно обещали быть. Ты как, Колян? – закончил телефонную презентацию предстоящего мероприятия Володька Сорокин.

Хотя, какой там Володька?! Владимир Иванович. Да и я давно уже не Колян, а Николай Андреич. Как не крути, нам всем за сорок перевалило, напомнил себе Лукин, выслушав приглашение на встречу бывших одноклассников, посвящённую двадцатипятилетию выпуска из стен родной школы.

– Постараюсь подтянуться, – ответил он.

После чего уточнил детали – дату, время, место, – и отключился.

– Постараюсь... – отложив мобильник в сторону и, как бы рассуждая сам с собой, повторил Лукин.

Казалось бы, прямой вопрос, требующий такого же прямого ответа. Приедешь? Приеду. Или не приеду. Но привычка – по возможности, разумеется, – воздерживаться от чётких, однозначных обещаний была у него в крови. Поступал он так, чтобы в случае чего, как говорят на Востоке, не потерять лицо. Нельзя сказать, что Лукин строго придерживал-

ся конфуцианских традиций, но как-то так само собой сложилось, что, будучи человеком слова, словами старался разбрасываться.

Что же касается, предстоящей встречи... К поклонникам сборищ, типа, юбилей того или сего, он не относился уж точно. Да и вообще, придерживался правила: если люди четверть века не виделись, – а он ни с кем из бывших одноклассников именно столько лет и не общался, – то они спокойно могут продолжать не видеться и дальше. Не то чтобы Николай был интровертом – не путайте с мизантропом! – но выбираться за пределы сложившегося с годами круга общения старался как можно реже. Приступами тоски о былом он не страдал. Однако из всякого правила есть исключения. И, если уж собираются все бывшие одноклассники, кое с кем на этой встрече он не прочь был повидаться. Да что уж там не прочь, просто загорелся желанием, благо, подходящий случай подвернулся.

Проведение торжества было назначено на вечер пятницы. Для этой цели оргкомитет в лице Сорокина оккупировал небольшое кафе со смешным названием «Мама, я в Тбилиси» на Енисейской. Выбор пал на это заведение неслучайно. Уютный интерьер. Грузинская кухня. Демократичные цены, что, согласитесь немаловажно, потому как, бюджет у каждого свой, и далеко не всем по карману визит, к примеру, в «Метрополь». Был и ещё нюанс – возможно, главнее всех перечисленных, – старая добрая школа №281, в которую все

приглашённые на банкет отходили десять полновесных лет, находилась в шаговой доступности. И если, паче чаяния, ко-го-нибудь вдруг накроет ностальгической волной, навестить альма-матер труда не составит.

Конечно же Лукин постарался разгрести все дела, чтобы в назначенный день и час прибыть на место сбора вовремя. Но не тут-то было. Человек предполагает, а располагает... Правильно, располагает всегда начальство. И хотя, он сам был начальством, но так уж повелось, что над любым начальством есть вышестоящее, которому глубоко фиолетовы планы нижестоящего на вечер. В общем, опоздал он безбожно – без малого на час. Так что, когда вошёл в кафе, гулянье было в самом разгаре. Формальная часть мероприятия уже завершилась. Отзвучали тосты за родную школу и учителей, и начались, как водится, разброд и шатание. Одни курили у входа. Другие танцевали. Третьи, разбившись на компактные группки, продолжали сидеть за общим столом и предаваться воспоминаниям о безвозвратно ушедших временах, когда вода была вкуснее, трава зеленее, а сами они были до неприличия молоды. Само собой, никто из присутствующих не забывал выпивать и закусывать. В общем, всё шло так, как и должно идти, когда собираются бывшие одноклассники.

Запоздалое появление Лукина всеми было встречено ликующими возгласами, типа: «Ну, наконец-то!», «Кого я вижу!» и прочее. Кто-то словно все эти годы в морозилке хранился и был абсолютно узнаваем. Кто-то, напротив, настоль-

ко мало походил на себя прежнего, что без подсказки не угадаешь. Впрочем, народ на подсказки не скупился, и всё быстро встало на свои места. С каждым, в зависимости от пола, Лукину пришлось поручкаться или облобызаться, прежде чем ему удалось добраться до парочки, уединившейся на самом дальнем от входа конце стола. Они-то были и теми, с кем Николай Андреевич по-настоящему хотел увидаться: Никита Кондрашов и Галка Говейлер.

Объяснялось всё предельно просто. С Никитой он десять лет просидел за одной партой. С Галкой же они оба дружили с шестого класса. Между мальчишками и девчонками такое иногда случается. Злые языки утверждали, что никакая это была не дружба, а элементарный расчёт. Говейлер была отличницей и позволяла ребятам регулярно сдывать домашку, до которой у тех вечно руки не доходили, а они, вздумай кто-то задеть или обидеть их подругу, неизменно вставали за неё горой. Разумеется, имело место и то, и другое, но уж точно не меркантильность была главной связующей силой в их отношениях. Просто им было комфортно проводить время вместе. Вот и всё.

К шестнадцати годам Галка как-то вдруг неожиданно расцвела, превратившись в первую красавицу, если не школы, то класса точно. И началось! Кто только не пытался за ней ухлёстывать! Не минула чаша сия и друзей-заступников. Впрочем, оба потерпели фиаско – чаровница деликатно их отшила, дав понять, что они как были друзьями, так ими и

останутся, но не более того. Сама же отдала предпочтение Генке Береговому, внуку двенадцатого космонавта СССР. Что уж у них там вышло, осталось за кадром, потому что после выпускного жизнь так всех закрутила, что ребята почти сразу потеряли друг друга из виду. И двадцать пять лет ни слуху, ни духу. К сожалению, так бывает. Стоит ли удивляться, что здесь и сейчас Лукин намеревался восполнить сей досадный пробел.

– Не может быть! – картинно воздев руки, воскликнула Галка. – Ты ли это, Коля?

Она несомненно искренне обрадовалась.

– С утра был я, – подтвердил Лукин и, пресекая попытку женщины подняться с места, приобнял её за плечи и чмокнул в щёчку. – А ты, как погляжу, времени зря не теряешь.

– В плане? – Галкины брови вопросительно взлетели вверх.

– Всё хорошеешь и хорошеешь, – пояснил Лукин, ничуть не погрешив против истины.

Она и впрямь была чертовски хороша. На смену утраченной с годами юношеской свежести пришла настоящая женственность и какая-то иная зрелая красота. Кроме того, Галка находилась в отличной физической форме. Если лишние килограммы где-то и прилипли, то в глаза не бросались.

– Врёшь, конечно. Но спасибо, – поблагодарила она.

– Ну, здравствуй, что ли! – подал голос Кондрашов, протягивая руку старому приятелю, и шутливо посетовал: – А то

стоит, понимаешь, отвешивает даме комплименты, а на друга юности ноль внимания. Обидно клянусь честное слово!

– Здорово! – расплывшись в широкой улыбке, ответил Лукин.

Его ладонь буквально утонула в здоровенной лапище Никиты, который и в школьные-то годы был самым рослым в классе, а теперь раздался в плечах, набрал массу, словом, превратился в матёрого мужика. Но годы брали своё. Даже короткая стрижка не могла скрыть, что от некогда пышной тёмной шевелюры мало что осталось, а то что осталось поседело. Да и на лице отчётливо читались реальные сорок плюс.

– Я тебе местечко застолбил, – сообщил Никита, кивнув на стул рядом с собой. – Так что, не стесняйся, располагайся!

Место и впрямь пустовало. На нетронутой тарелке вигвамчиком стоял плейсма́т. Рядом лежал столовый прибор.

– Спасибо за заботу, – поблагодарил Лукин.

Не успел он сесть, а Никита уже был тут как тут с початой бутылкой «Энисели».

– За встречу выпить – святое! – безапелляционно заявил он.

– Не возражаю, – согласился Лукин, однако от коньяка решительно отказался. – Лучше...

Он пошарил глазами по столу и, обнаружив среди в основном крепких спиртных напитков одинокую бутылочку «Гурджаани», указал на неё взглядом.

– Плесни-ка мне сухонького на пробу. Всё-таки грузин-

ское кафе. Хочется верить, что вино у них не бурда.

Никита лишь пожал плечами: вино так вино. Налил и впросительном повороте головы посмотрел на Галину, как бы вопрошая, а тебе чего плеснуть?

– Спасибо. Уже налито, – сказала она, кивнув на свой почти полный бокал тоже с вином, но с красным.

– Дело хозяйское. – Пожал плечами Кондрашов, после чего наполнил свою рюмку грузинским коньяком. – Ну? Кого ждём?

– Так, мы вроде здесь не сами по себе. Как-то неудобно пить в узком кругу, – объяснил свою неспешность Лукин.

– Брось! – Отмахнулся Никита. – В широком кругу все уже сказано и выпито. Настало время междусобойчиков.

Николай обвёл взглядом зал. Действительно, коллективное застолье распалось на фрагменты, и собираться воедино особо не стремилось.

– Тогда за встречу! – провозгласил он, поднимая бокал.

Чокнулись. Выпили, причём, каждый сделал это по-своему. Никита одним махом опрокинул рюмку в рот. Галка, едва пригубив бокал, поставила его на прежнее место. Лукин же неспешно потягивал «Гурджаани» маленькими глотками и подолгу задерживал вино во рту, смакуя и наслаждаясь вкусом, потому как оно и впрямь оказалось весьма недурственным.

Зафиксировавший появление за столом нового гостя, официант подсутился, и буквально через пару минут перед

вновь прибывшим появилось чахохбили. Глупо наедаться, если вечером тебя ждёт банкет, поэтому Николай постился целый день и теперь с превеликим удовольствием принялся за еду. Галка с Никитой терпеливо ждали, пока он воздавал должное грузинской кухне. Когда с чахохбили было покончено, настало время поговорить, хоть, громкая музыка и не слишком этому способствовала. Впрочем, в уголке, где они расположились, было относительное затишье.

– Ну-с! Двадцать пять лет – срок немалый. Думаю, всем нам есть что порассказать друг другу. Какими тайнами вы уже успели поделиться до моего прихода? – осведомился Лукин, отодвигая пустую тарелку.

– Да, никакими, – ответил за двоих Кондрашов. – Сперва не до того было – народ упражнялся в красноречии. Потом музыку врубили. Все в пляс ударились, а мы под шумок сидели, тебя дожидались и перемывали кости присутствующим, типа, кто во что превратился.

– Правда, правда, – поддакнула Галина. – Мы с тебя ждали.

– Что ж, я здесь. С кого начнём?

– Среди нас дама, ей и слово! – толсто намекнул Никита и, повернувшись к школьной подруге, не без ехидцы предложил: – Начинай, Галочка! Больно уж интересно узнать, до чего у вас с Генкой дошло.

Та с ходу его разочаровала.

– Да, считай, ни до чего! Во всяком случае, Береговой я

не стала. Зато, с первой попытки поступила в «плешку» и на втором курсе выскочила за согруппника со всеми вытекающими последствиями...

– В смысле, прибавление семейства, пеленки-распашонки и прощай, учёба? – съязвил Никита.

Она кивнула.

– Именно так. Взяла «академку», потом вторую. Доучивалась заочно. В общем, всё через пень колоду... Конечно, с практической точки зрения поступила я тогда, как распоследняя дура. Надо было сперва доучиться, а потом уж всё остальное затевать. Но ни о чём не жалею! Дочка прелесть получилась. Красавица...

– Есть в кого, – снова встрял Никита.

– Умница, – пропустив комплимент мимо ушей, продолжила Галка. – В будущем году заканчивает первый мед. И, что больше всего радует, не торопится сделать маму бабушкой.

– Поколение чайлдфри? – на сей раз влез с вопросом Лукин.

– Боже упаси! – категорически отмела Галка подобное предположение. – Просто девочка чётко понимает, в каком мире живёт. Считает, что сперва надо крепко встать на ноги, а потом уже задумываться о детях. Словом, у неё всё в порядке... Возвращаюсь к себе любимой. Мой ранний студенческий брак сложился неудачно, но лет пять всё-таки кое-как продержался. После развода ютилась с дочерью у родителей

в хрущёвке. Что говорить, житейских трудностей хватало! – Она махнула рукой, словно отметаая не слишком приятные воспоминания о том периоде своей жизни. – Но постепенно всё наладилось. Квартирный вопрос решила. Карьеру сделала. Перед вами не абы кто, а ведущий экономист-логистик компании «Трансконтейнер»! Работа масштабная. Зарплата достойная. А в январе... – Она взяла интригующую паузу, после чего подняла вверх правую руку, продемонстрировав обручальное кольцо, и радостно сообщила: – Я вышла замуж!

Интересоваться, счастлива ли она в новом браке было по меньшей мере глупо. Конечно же, счастлива. Аж, светится вся, мысленно порадовался за неё Николай. Как долго продлится это состояние – другой вопрос. Но человек – существо, которому свойственно жить сегодняшним днём, а сегодня она была счастлива на все сто, к бабке не ходи.

Решив, что Галина закончила своё повествование, в дело вступил Никита.

– С чем тебя и поздравляю! – брякнул он. – А у меня всё тупо-прямолинейно. Никуда поступать даже не пытался. Решил, сперва в армию схожу, дальше видно будет. Лето проболтался на море – у дядьки свой дом был в Ейске. Осенью вернулся, а меня уже повестка поджидает. Попал в морскую пехоту Балтфлота. Вторая чеченская уже во всю шла, так что сразу после учебки загредел я, братцы, на Северный Кавказ...

– Нехило! – Не удержался Лукин. – Это какой же умник додумался, морпехов в горы загнать?

В ответ Никита лишь пожал плечищами.

– Я без понятия! Только факт остаётся фактом. Я там полгода отвоевал. И так тебе скажу: моего согласия, понятное дело, никто не спрашивал, а спросили бы, я б не возражал. Мне всё было по кайфу. Ты ж меня знаешь.

Да, Лукин прекрасно знал того Никиту Кондрашова четверть вековой давности. Каков он сейчас, трудно сказать, может, пыла и поубавилось, а в девяносто девятом был тем ещё адреналинщиком. Не дурак подраться. На мопеде гонял по Ярославке наперегонки с такими же оторвами, причём, среди бела дня, прямо в потоке машин. Помнится, на спор сиганул с моста в Сходненском канал, при том, что до воды лететь было метров семь и совершенно непонятно, какая там была глубина... Словом, искал и находил приключения, где и как мог, чтобы жизнь пресной не казалась. А тут целая войнушка подвернулась. Ещё бы ему не по кайфу! – понимающе, усмехнулся Николай.

– Отслужил, – продолжил вещать Никита. – Вернулся. Пригласили меня в кадры на Петровку, 38. Предложили вступить в ряды. Честно сказать, мне тогда было по барабану, чем заниматься, а книжки про сыщиков я всегда взахлёб читал, ну и, согласился. В 2002-м поступил в академию МВД.

– С твоим-то средним балом? – усомнилась Галка, хоро-

шо знакомая с содержимым его аттестата, где царили трояки, чуть разбавленные четвёрками, и наличествовала единственная пятёрка по физкультуре.

Лукин от вопросов воздержался, догадываясь, каким образом необременённые избытком знаний парни, вроде Никиты, могли в те годы получить шанс на высшее образование, что собственно и подтвердил Кондрашов.

– Видишь ли, Галочка... – Смущённо поскрёб он свой коротко стриженный затылок. – Не знаю, как теперь, а тогда участников боевых действий на Кавказе в учебные заведения МВД принимали с превеликим удовольствием и практически без вступительных испытаний. Но смею тебя уверить, – повысив голос, заметил он, – что за годы учёбы в академии лакуны школьного образования я честно заполнил! Корпел над книжками, не поднимая головы и диплом свой получил заслуженно. Ну а потом семнадцать лет в милиции-полиции. Дослужился до подполковника. Начинал опером на «земле», сейчас командую отделом уголовного розыска Северо-Восточного округа. В общем, по мере сил воюю со всякой нечистью, которая людям нормально жить мешает, – торжественно подытожил он.

Чего и следовало ожидать, заключил Лукин. Всё логично. При его тяге к острым ощущениям, да в сочетании с обострённым чувством справедливости, самый что ни на есть подходящий выбор профессии.

– А как у тебя дела на личном фронте, вояка? – полюбо-

пытствовала Галина.

– Слава богу, без африканских страстей. С супругой повезло – понимающая попалась. Как двадцать лет назад поженились, так и живём. Не без шероховатостей, понятное дело, но как-то ладим. Двух парней вырастили. Один уже в армии, второй сейчас в колледже учится. Короче, всё нормалёк. Твоя очередь! – кивком головы передал он эстафетную палочку Лукину.

– Да нечего особо рассказывать. – Стушевался тот. – Срочную оттрубил оператором РЛС в радиотехнических войсках. Рутина, зато времени для самообразования было навалом. После дембеля поступил в Строительный университет. Отучился на кафедре информационных систем и технологий. В век всеобщей компьютеризации – самое то. Специализируюсь на разработке систем защиты от киберугроз, – более чем общо обозначил Николай род своей деятельности.

– Так ты – айтишник, что ли? – попытался внести ясность в этот вопрос Никита.

– Вроде того, – обтекаемо ответил Лукин.

– Типа, в «Лаборатории Касперского» трудишься? – Никак не унимался Кондрашов.

– В самую точку, – подтвердил Николай и, определённо не желая развивать профессиональную тему, поспешил перейти к семейному положению. – В отличие от вас-торопыг, в брак вступил относительно недавно, четыре года назад. Детьми пока не обзавёлся... Я же говорю, скучноватая био-

графия.

– Какие твои годы! – подначил Никита. – Успеешь ещё почудить.

– Типун вам на язык, господин подполковник! – С улыбкой парировал Лукин. – Предпочитаю, чтобы в Багдаде было всё спокойно.

– И это правильно. – Одобрительно кивнул Кондрашов. – Предлагаю тост!

Он долил вина Николаю и, не забыв себя любимого, наполнил рюмку коньяком. Галке, у которой бокал оставался практически полным, даже предлагать добавки не стал.

– Засранцы мы! – неожиданно провозгласил он, чем привёл остальных в замешательство, но тут же внёс коррективы: – Могу, конечно, высказаться и помягче, только суть от этого не изменится. За двадцать пять лет никто из нас даже попытки не сделал, найти, позвонить, поговорить, а ведь жили в одном городе. Только вдумайтесь! Двадцать! Пять! Лет! Повторяю, мы – засранцы!

Возражений не последовало – против правды не попрёшь.

– Так, давайте выпьем за то, чтобы перестать ими быть! – закончил свой спич Никита.

Они выпили и только тут заметили, что музыка смолкла, зал наполнился гулом голосов, и все стали рассаживаться по своим местам.

– Финита! – без восторга констатировал Кондрашов. – Междусобойчик закончился. Снова начинается коллектив-

ная тусня.

– Куда денешься. Для того и собирались, – обречённо произнёс Николай.

– Не бухтите, мальчики! – попыталась примирить их с действительностью Галка. – В конце концов, это – встреча всего десятого «Б», а не только нашей троицы. – И обнадежила: – Мы своё ещё наверстаем.

Вечер завершился на мажорной ноте. Обменявшись номерами телефонов, друзья расстались в надежде на скорую встречу, ибо, выражаясь языком романистов позапрошлого века, столь счастливо восстановленные дружеские узы взывали к продолжению приятного общения. Тем более, что ровно через две недели Галина собиралась отметить своё сорокадвухлетие. Чем не повод? Однако, обернулось всё иначе.

За два дня до означенной даты, Николаю позвонил Кондрашов и без предисловий мрачно сообщил:

– Галка погибла. Вчера выбросилась с двенадцатого этажа.

– Откуда знаешь? – машинально спросил огорошенный новостью Лукин.

– Из сводки происшествий, – ответил Кондрашов. – Оказывается, она на Дежнева жила в Южном Медведково. Это в моём округе... Правда, я не сразу сообразил, о ком речь. Ну, выпала в 11:15 из окна какая-то Артамонова – эка невидаль. Такие летуны у нас не редкость. Криминала нет, и ладно.

Уже было пролистал, да глаз зацепился за имя и отчество... Помнишь, Галка всё шутила, мол я – «Г» в кубе? Она же Говейлер Галина Генриховна раньше была. И в сводке тоже Галина Генриховна, только Артамонова. Галкиной нынешней фамилии я спросить как-то не удосужился, ну и решил проверить. Напряг опера, что на место выезжал. Он копию паспорта скинул. Вот так и узнал, – невесело подвёл черту Никита.

– Она в кафе такая жизнерадостная была... – выслушав его, в недоумении пробормотал Лукин. – Что могло произойти за полторы недели, чтобы плюс на минус поменялся?

– Да всё, что угодно. Причин, чтоб человек решил руки на себя наложить, хоть отбавляй: безденежье, нелады в семье, неизлечимые болячки... – с ходу привёл несколько примеров Кондрашов, который за годы работы в розыске много чего повидал и давно перестал удивляться чему бы то ни было. – Вполне допускаю, что, вещая нам с тобой о материальном благополучии и счастье в личной жизни, она могла элементарно хвост пушить перед друзьями юности туманной, которых двадцать пять лет не видела. А на деле всё не так безоблачно. Женская душа – потёмки.

Что правда, то правда, согласился с ним Лукин, но всё же спросил:

– Это точно самоубийство?

– В чистом виде, – уверил его Никита. – В квартире находилась одна. Дверь была заперта изнутри. Ключ в замке.

Муж снаружи открыть не смог, пришлось слесаря вызывать.

– Может, случайность? – предположил Николай.

Кондрашов отрицательно помотал головой.

– Не прокатывает. Её окна во двор выходят. Внизу детская площадка. Там в это время несколько мамаш и бабушек с чадами гуляли. Они в один голос утверждают, что видели, как Галка стояла какое-то время на подоконнике, прежде чем прыгнула. Муж её только-только припарковался у подъезда и вышел из машины... Вот же угораздило мужика там оказаться... В общем, наблюдал момент падения воочию.

– Когда похороны? – спросил Лукин.

– Послезавтра в час дня.

– Выходит, в её собственный день рождения, – произведя нехитрый подсчёт, сказал Николай: – А где?

– На Волковском кладбище. У неё там и мать, и отец лежат. Приедешь?

– Буду обязательно.

– Тогда до встречи.

– Пока.

Похороны есть похороны – весёлого мало. А когда хоронят в закрытом гробу – совсем тоска. По понятным причинам здесь был тот самый случай. Так что, ни увидеть усопшую напоследок, ни проститься по обычаю не вышло. Народу собралось немало – человек сорок. Бывшие одноклассники, спасибо Сорокину, который всех оповестил, пришли в

полном составе. Присутствовали коллеги с работы. Из близких были только скорбящий супруг и заплаканная дочь – вероятно, другой родни у неё не нашлось. Цветы, венки, речи... В завершение каждый бросил на крышку гроба прощальную горсть земли. Затем вдовец пригласил всех желающих проследовать в автобус, чтобы отправиться в кафе, где был уже накрыт поминальный стол.

Подавляющее большинство приглашение приняло. Кое-кто простился и откланялся. Кондрашов с Лукиным были в числе последних.

– Ты чего не поехал? – Спросил Николай, когда они шли к выходу с кладбища.

– Я за рулём. Опять же, кровь из носу, нужно вернуться на работу, – ответил Никита. – Тебя тоже время поджимает?

– Да не то чтобы... Просто ненавижу поминки, – честно признался Лукин. – С Галкой я простился, а насчёт застолья, увольте. Поначалу всеобщая печаль. А после третьей никто уже не помнит, по какому поводу собрались, и начинается веселуха.

– Есть такое дело, – согласился Никита, но в оправдание обычного поведения участников тризны, заметил: – Уж, больно ты строг. Я где-то читал, что на Руси спокон веку так повелось, ещё с язычества. Предав усопшего земле, пили, ели, веселились не просто так, а вроде как утверждали таким образом жизнь перед ликом смерти. Во как!

– Хоть бы и так, не по мне это. – Упрямо держался за своё

Лукин. – Выпить стопку за помин души – это да, а всё остальное...

– Ты на машине? – неожиданно поинтересовался Кондрашов.

Николай отрицательно помотал головой.

– Тогда давай заскочим ко мне в Управление, – предложил Никита. – Отсюда езды пятнадцать минут. Там помянем Галку по-твоему, без продолжения, и разбежимся.

– Ты же говорил, тебе работать надо?

– По рюмашке – минутное дело, – нашёл оправдание руководитель окружного розыска. – Ну что, устраивает тебя такой вариант?

– Поехали, – согласился Лукин.

За воротами Кондрашова поджидала чёрная «камри» с синим проблесковым маячком на крыше.

– Да ты, как погляжу, большой начальник! – подначил Николай, увидев мигалку.

– Не стоит преувеличивать, – возразил Никита, усаживаясь на водительское сиденье, и после того как Лукин занял место рядом, объяснил причину наличия спецсигнала: – Машина оперативная. По московским пробкам без такого моргасика хрен куда вовремя доберёшься.

Пятнадцать не пятнадцать, а минут через двадцать они действительно уже были в кабинете Кондрашова. Тот без лишних слов извлёк из сейфа бутылку армянского коньяка и пару рюмок, которые сразу наполнил. Лукин никогда не был

поклонником кавказского бренди и предпочёл бы сухое вино, но выбирать не приходилось.

– Пусть земля ей будет пухом! – провозгласил Никита. Выпили, не чокаясь.

– Ну, а теперь выкладывай, о чём хотел поговорить, – предложил Лукин, поставив опорожнённую рюмку на стол. – Не просто же так ты меня к себе зазвал.

– Ишь ты! – Ухмыльнулся Никита. – Как догадался? Ты же вроде – компьютерщик, а не психолог.

– Одно другого не исключает, – парировал Николай и повторил: – Выкладывай!

Кондрашов сгрёб со стола пустые рюмки и вместе с бутылкой вернул их на прежнее место в сейфе.

– Суицид – тема скользкая, – закрыв металлическую дверцу на ключ, издалека начал он. – По мне так, твоё тело – твоё дело, и каждый волен обходиться с ним по собственному усмотрению. Если какой-нибудь обдолбанный полудурок вздумал полетать и шагнул с балкона, флаг ему в руки. Или, скажем, конченный алкаш допился до того, что всюду черти мерещатся, и сиганул от них из окошка, такому тоже скатертью дорога – нормальным людям жить легче станет. Но Галка-то к этой публике никаким боком. Да и вообще, всё у неё было пучком.

– Не ты ли всего два дня назад говорил, что она могла несколько преувеличивать, – напомнил Николай. – Откуда вдруг теперь такая уверенность?

– Оттуда, что я эти два дня, сложа руки, не сидел, – ответил Никита. – Я – всё-таки сыщик. Первым делом досконально проверил её по всем нашим учётам. Причём, по двум фамилиям: и Говейлер, и Артамонова по первому мужу... К слову, фамилия второго мужа Майстрюк, и взять её она не пожелала. Это так, для справки... Ну, стало быть, проверил я её. Чиста аки слеза младенца. Связался с «Трансконтейнером». Была отличным специалистом с зарплатой – мне и не снилась. Стало быть, профессиональная реализация и высокий достаток налицо. Жилищных проблем нет. Квартира – просторная трёшка. Со здоровьем тоже проблем не было. Я не поленился, поднял её медицинскую карту. Опять же, семейное счастье в полном разгаре – полгода назад замуж вышла.

Кондрашов взял паузу, то ли, чтобы дыхание перевести, то ли давая приятелю время осмыслить сказанное.

– М-да... – раздумчиво протянул Лукин. – Действительно, надо бы слаще, да некуда. Живи и радуйся.

– Это ещё не всё, – многообещающе произнёс Никита. – Я вчера ознакомился с протоколом патологоанатомического исследования... Ну, причина смерти, понятное дело, – несовместимые с жизнью повреждения. Ничего другого просто и быть не могло. Алкоголя, наркотиков и прочей дряни в организме последний врач не обнаружил. Зато, установил, что... – Кондрашов озадаченно поскрёб свой гладко выбритый подбородок, – ...Галка была в положении. Срок – во-

семь-девять недель.

– То-то она к спиртному почти не притрагивалась, – пробормотал Лукин и уже в полный голос воскликнул: – Это что же получается, она ни с того, ни с сего решила покончить с собой, а заодно, и с будущим ребёнком?

– Ну, насчёт, ни с того, ни с сего, я сильно сомневаюсь, – возразил Кондрашов. – Повод наверняка был. И даже, не повод, а поводище! Просто мы его пока не видим... И, чем дальше, тем больше мне хочется выяснить, кто или что Галку на тот свет спровадило, в смысле, к окну подтолкнуло. Сразу после выходных этим и займусь! – категорически заявил он.

– Держи меня в курсе, – попросил Лукин.

– Само собой, – пообещал Никита.

– Да и вообще, не забывай, что я располагаю кое-какими техническими возможностями, недоступными большинству граждан, – скромно напомнил Лукин.

– Буду иметь в виду. – Вежливо-снисходительно кивнул Никита, который, судя по всему, привык во всём полагаться на собственные силы и возможности, и всерьёз на помощь друга-айтишника не рассчитывал.

Он бросил взгляд на часы.

– Извини. Труба звёт.

– Понимаю.

– Пошли. Я тебя до КПП провожу, – предложил Кондрашов.

– Не беспокойся, как-нибудь сам дорогу найду. – Отказал-

ся Лукин. – Ты только звякни церберам, чтоб выпустили.
– Это мы айн момент! – сказал Никита, снимая за трубку стационарного телефона.

Ближний круг

Горячим поклонником творчества братьев Стругацких Никита никогда не был, но по жизни всегда твёрдо придерживался принципа: понедельник начинается в субботу. А если обстоятельства позволяют, то и в пятницу, что даже лучше. Поэтому, тем же вечером, он обрисовал ситуацию застывшему на сутки Максимову, оперативнику из новеньких, и поручил тому по возможности собрать информацию на мужа и дочь Галины Артамоновой. Конечно, никогда не угадаешь, что подкинет грядущая ночь. Очень может статься, парню придётся до самого утра мотаться по выездам. Но не исключено и обратное – безвылазно проторчит в отделе, изнывая от безделья, – а, значит, будет время перешерстить все возможные базы данных, порыться в соцсетях и мессенджерах, которые тоже могут рассказать о человеке немало интересного.

В одном Кондрашов не сомневался, при любом раскладе означенный опер – по отзывам коллег продвинутый интернет-пользователь – поручение непременно выполнит. На крайняк задержится на часок-другой после дежурства, авось не растает. В общем, Кондрашов небезосновательно рассчи-

тывал, что утром первого рабочего дня недели более или менее содержательная справка ляжет ему на стол. Так и вышло. В понедельник после торжественного зачитания сводки происшествий за выходные, по счастью не содержащей ничего, что требовало бы от сотрудников уголовного розыска экстренного реагирования, Максимов передал ему тощенький файл с бумагами.

Никита давно привык к тому, что оперативная работа – некая синусоида: то носишься, как угорелый, то груши околациваешь. Нередко выдавались и такие вот спокойные деньки. Однако было бы заблуждением полагать, что в периоды затишья его сыскари могли позволить себе бить баклуши, слоняться по коридорам Управления и травить анекдоты в курилке. Нет, конечно, были и такие, кто с удовольствием предавался ничегонеделанию, но большинство, коли уж образовалось окно между авралами, предпочло заняться рутинной бумажной работой, до которой в другое время неделями руки не доходили. Рассылали запросы, подшивали дела, закрывали входящие и исходящие в канцелярии. Сам же Кондрашов воспользовался возможностью без спешки ознакомиться с выжимками из биографий интересовавших его лиц.

Итак, дочь. Артамонова Дарья Викторовна двадцати двух лет. Студентка пятого курса Института стоматологии имени Сеченова. Проходит подготовку по программе специалитета «Челюстно-лицевая хирургия». Не участвовала. Не состоя-

ла. Не привлекалась. Проживает на съёмной жилплощади по адресу: Плющиха, дом 33, квартира 27... Никита сверился с навигатором. Жильё в пешей доступности от места учёбы. Весьма разумно. Но это – практически центр, а цены в центре столицы кусаются. За чей счёт гуляем? Ответ нашёлся на следующей страничке. Это была выписка из ЕГРН об объекте недвижимости, расположенной по вышеназванному адресу. Помимо прочего в выписке имелась информация о заключённом на три года, действующем договоре найма квартиры. И кто у нас арендатор? Некто Покровский К.К.

Нимало не сомневаясь, что обнаружит там установочные данные этого самого Покровского, Никита перешёл к следующей странице. Так и есть. Покровский Константин Константинович, 2002 года рождения, уроженец города Москвы... О чудо, парень тоже оказался студентом пятого курса Института стоматологии. А дочка-то по маминым стопам шагает! – по-доброму усмехнулся Кондрашов. И тут сокурсник! Правда пока не муж, а лишь бойфренд, да и детишками студенты-пятикурсники пока не обзавелись, но, как говорится, тенденция просматривается.

Далее следовала подборка распечатанных фотографий, которые современная молодёжь так любит вываливать на всеобщее обозрение в интернете. Вот, сама Даша. Постановочный снимок – он постановочный и есть. На нём девушка выглядела много ярче, привлекательнее и уж точно счастливее, чем на похоронах, где Никита недавно её видел. На

остальных фото она была запечатлена в обществе, надо полагать, своего избранника. То счастливая парочка на фоне Нижегородского кремля, то в зимнем лесу, то летом на морском пляже. Из чего следовал вывод, что вместе они уже довольно давно. В качестве завершающего штриха прилагались номера мобильных телефонов обоих молодых людей. Скудненько, подытожил Кондрашов. Впрочем, на иной результат он и не рассчитывал – девочка только-только во взрослую жизнь шагнула и во всех смыслах наследить ещё не успела.

Посмотрим, что представляет из себя муж, точнее, вдовец. Кондрашов взял в руки последний лист из файла. Здесь его ждало разочарование: добытые Максимовым сведения об этом персонаже уместились в несколько строк. Майстрюк Георгий Остапович, 1984 года рождения, уроженец Алушты, зарегистрирован по адресу: Республика Крым, городской округ Алушта, село Малореченское, улица Подгорная, 6. Паспорт серия... Номер... Вины молодого оперативника в том, что справка оказалась столь куцей, не было. Даже став субъектом Российской Федерации, Крым всё ещё оставался в каком-то смысле террой инкогнита, и чтобы собрать информацию об обитателе присоединённого полуострова требовалось значительное время, которого у Максимова попросту не было.

Причём, более или менее объективно можно было установить, чем там занимался Майстрюк, в лучшем случае за последние десять лет. То же, что происходило с ним ранее,

тонуло во мраке неизвестности. А это, так между прочим, тридцать лет жизни! Ну ладно, пусть пятнадцать за вычетом детства. По-любому, за столь долгий промежуток времени с ним могло приключиться много чего интересного. Если кто и мог располагать объективной информацией на сей счёт, так разве что украинская милиция, но её по понятным причинам не спросишь. Одна надежда, что в сохранившихся с тех времён архивах что-нибудь обнаружится.

Стало быть, разобратся с наскака, ху из господин Майстриук, не получилось, и, чтобы собрать достоверную информация о его прошлом и настоящем, предстоит попотеть. По крайней мере, вопрос, кто будет потеть, не стоит, усмехнулся Никита, снимая трубку и набирая короткий внутренний номер.

– Максимов, ты? – спросил он и, когда на том конце ответили утвердительно, представился: – Кондрашов. Я насчёт Майстриука... Понимаю, что в выходные большего надобать невозможно, поэтому даю тебе ещё пару дней. Мне нужна вся его подноготная. Он крымский... Правильно понимаешь. Звони туда. Выясняй. Понадобится запрос, сразу ко мне. Здесь тоже пошустри. И не затягивай!

Пусть землю роет, ему полезно, рассудил Никита, положив трубку. Вспомнилось, как сам по молодости, вкалывал на ниве добычи информации. А ведь тогда не в пример сложнее было: ни тебе соцсетей, ни ватсапа... Ну да ладно, вернул он себя в настоящее. Что мы имеем? С мужем пока пол-

ная непонятка – сведений с гулькин нос. Верить в причастность дочери к гибели матери не хотелось, но исключить такую возможность без веских на то оснований тоже нельзя. Как не прискорбно допускать такое, но появление ребёнка во втором браке подрывало бы позиции Дарьи Викторовны, автоматически уменьшая её долю в недвижимости, принадлежавшей её матери. Как верно подметил Булгаков, москвичей испортил квартирный вопрос. С классиком не поспоришь – при дележе квадратных метров случалось и случается всякое.

Пока совершенно ясно, что ничего не ясно, подвёл Кондрашов первые итоги. В любом случае придётся прощупать обоих, переговорить и не по телефону, а чтоб глаза в глаза. Так надёжнее. Начать решил с Майстрюка. Рамки приличия соблюдены – с похорон минуло три дня – рассудил Никита, набирая его номер. Будем считать, что мне потребовалось кое-что уточнить.

– Слушаю вас, – ответила трубка.

– Георгий Остапыч?

– Да.

– Добрый день! – поздоровался Никита и представился: – Моя фамилия Кондрашов. Я начальник отдела уголовного розыска УВД по Северо-Восточному административному округу.

– Здравствуйте, – несколько напряжённо произнёс Майстрюк, видимо прикидывая, что могло понадобиться от него

уголовному розыску.

– Извините, что беспокою, но возникли кое-какие вопросы, – деликатно намекнул на желательность встречи Никита. – Не могли бы вы подъехать ко мне?

– Когда? – после непродолжительной паузы поинтересовался Майстриук, в голосе которого по-прежнему сквозила настороженность.

– Сегодня в любое время, – не стал ограничивать его жёсткими временными рамками Кондрашов.

– Постараюсь быть к одиннадцати, – не заставил себя уговаривать Георгий Остапович. – Это на улице Вешних вод?

– Да, – подтвердил Никита. – На КПП скажите, что ко мне. Они подскажут, как пройти.

Он собрался было отключиться, но спохватился.

– Чуть не забыл. Если вас не затруднит, захватите с собой смартфон супруги, – попросил Никита.

Буквально несколько лет назад в этом не было бы необходимости. Достаточно было запросить у оператора детализацию звонков, чтобы иметь полный расклад: кто, кому и когда звонил. Да и узнать содержимое эсэмэсок труда не составляло. Но появились и набрали популярность ватсапы, вайберы, телеграммы и прочие мессенджеры. В итоге по состоянию на сегодняшний день операторы понятия не имеют, с кем и какими голосовыми, тестовыми и видеосообщениями обмениваются их абоненты напрямую через интернет в обход сетевых сетей. Никита слабо разбирался во этих новшествах,

однако кое-какие выводы для себя сделал. А именно, лучше всего заполучить сам смартфон и основательно в нём покопаться. Надо признать, такая тактика не раз уже срабатывала, правда при условии, что владелец устройства по каким-либо причинам предварительно не удалил всё, что только можно.

– Захвачу, – пообещал Майстриук.

В начале двенадцатого раздался негромкий стук в дверь, и он появился на пороге кабинета.

– Разрешите?

– Заходите, Георгий Остапыч! – пригласил Никита.

Войдя в кабинет, Майстриук первым делом протянул Кондрашову айфон.

– Вы просили принести. Вот.

– Спасибо, – поблагодарил Никита, забирая смартфон.

– Только он заблокирован, а пароль я не знаю, – предупредил Майстриук.

Жаль, подумал Никита. Это обстоятельство несколько нарушало его планы – он-то рассчитывал без особых хлопот пошарить в Галкином телефоне на предмет, а не сохранилась ли там история звонков по ватсапу, может, сообщения какие... Теперь же придётся подключать специалистов, чтоб прежде разблокировали. А когда они сподобятся? Да и справятся ли? Впрочем, внешне он досады по данному поводу никак не выказал, напротив, уверенно заявил:

– Ничего. Разберёмся. Да вы присаживайтесь – в ногах

правды нет. А это... – он кивнул на американский девайс, – я, с вашего позволения, одолжу на некоторое время – с возвратом, разумеется. Не возражаете?

– Забирайте, если надо, – безропотно согласился Майстрюк, опускаясь на стул.

– Хотите, оформим изъятие, хотите, дам вам расписку, – предложил на выбор Кондрашов. – Всё-таки вещь недешёвая.

Майстрюк предпочёл второй вариант.

– Достаточно расписки. Только зачем он вам? Ведь и так всё ясно.

– Ну, это как посмотреть, – возразил Никита, рассудив про себя, тебе, может, и ясно, а мне вот пока нет, и многозначительно добавил: – У всякого события есть предыстория.

– Вы на что намекаете? – с видом оскорблённой добродетели резко отреагировал на его слова новоиспечённый вдовец.

– Да ни на что я не намекаю. – Пожал плечами Кондрашов и, написав расписку, протянул её визитёру. – Просто в жизнь так устроена, что одному событию обычно предшествует другое, которое может быть его причиной.

То ли эта простенькая сентенция не пробила к сознанию Майстрюка, то ли он попросту пропустил сказанное мимо ушей. Во всяком случае посетитель никоим образом на неё не отреагировал, а вместо этого, присмотревшись к хозяину кабинета, полувопросительно произнёс:

– Вы, кажется, были на похоронах.

– Был, – не стал отрицать Никита.

– То-то смотрю, лицо знакомое.

– Так уж вышло, что Галя мне не чужая. Мы в одном классе учились. Дружили...

– Понятно, – протянул Майстрюк и с грубоватой прямо-той осведомился: – А от меня-то вы чего хотите? У следователя на допросе я уже побывал.

– У него свои заботы, у меня свои, – как бы провел разграничительную черту между следствием и розыском Кондрашов. – Я хочу с вашей помощью выяснить, как дошло до такой беды? Что-то же её к этому шагу подтолкнуло, – попытался разъяснить Никита, чего он собственно ждёт от этой их встречи. – Может, в последнее время у неё неприятности по работе были? Может, какие-то нелады в семье?

– Нормально всё было и на работе, и дома, – на взгляд Никиты чересчур поспешно ответил Майстрюк.

– То есть, вы ничего такого не замечали?

– Ничего.

Такое начало Кондрашову категорически не понравилось. Сразу вспомнилось Шекспировское: из ничего и выйдет ничего. Не то чтобы он рассчитывал на какие-то откровения или супердоверительную беседу, но тут было явное нежелание вообще иди на контакт... Списав ошестиненность на то, что человек всё ещё не в себе от горя и прочее, Никита всё же не оставил попыток разговорить гостя.

– Может, со здоровьем какие-то проблемы появились? Всё-таки ребёнка ждала, – продолжил допытываться он.

– Откуда вы знаете про беременность? – Удивился Майстриук.

Такой наивности от сорокалетнего мужика Никита никак не ожидал, тем не менее терпеливо пояснил:

– Вскрытие показало.

– В порядке было здоровье, – потупившись, буркнул Майстриук и упрямо повторил: – Всё это я уже говорил следователю.

Плохо дело, резюмировал Кондрашов. Ну прямо-таки партизан на допросе! Ладно, попробуем подобраться с другой стороны, авось, расслабится.

– Я так понимаю, что до Москвы вы в Крыму жили? – несколько изменил направленность вопросов опытный сыщик.

– В Малореченском, – подтвердил Майстриук.

– А с Галиной где познакомились?

– Да там же. У меня гостевой дом неподалёку от пляжа. Она в сентябре две недели жила. Ну и, сошлись.

Вот те раз! Что она забыла в Крыму? – задался вопросом Никита. При её зарплате, могла на море и куда поинтереснее скататься. Мало ли мест: Греция, Италия, Кипр, на худой конец. Хотя, в связи с последними событиями нашим туристам в Европе не больно-то рады... Вероятно, отсюда и возник Крым. Что в гостевом доме поселилась, а не в прилич-

ном отеле, так может, ностальгия по совковой экзотике одолела: ненавязчивый сервис и всякое такое прочее. Впрочем, нет худа без добра: попутно обрела своё женское счастье.

– Чем по жизни занимаетесь, Георгий Остапыч? – как бы вскользь полюбопытствовал Кондрашов.

– Раньше строительство, – ответил тот. – А восемь лет назад, как тётка мне дом отписала, чутка его подшаманил и стал сдавать комнаты внаём.

Проще говоря, не до жиру, быть бы живу, иронично резюмировал Никита. В летний сезон какой-никакой доход, а в остальное время ничего, кроме расходов. И тут ему весьма своевременно подвернулась москвичка Галя – женщина приятная во всех отношениях. Шанс перебраться в столицу, а заодно и улучшить материальное положение? Голимый расчёт? Не исключено и сочетание приятного с полезным... Кондрашов поймал себя на мысли, что Майстрюк этот ему малосимпатичен, отсюда вероятно и всяческие подозрения в неискренности чувств. Но тут уж ничего не поделаешь. Симпатии и антипатии – эмоции, а они рассудку неподвластны.

– И всё же давайте уточним кое-какие моменты, – вернулся Никита к началу разговора. – Вы – муж. Кому, как не вам, знать. Может, всё-таки тревожило её что-то?

– Нет, – снова принялся за своё Майстрюк.

– Может, материальные трудности какие-нибудь возникли?

– Нет. Во всяком случае, мне ни о чём таком неизвестно.

На сей раз ответ прозвучал с секундной задержкой, и Никита это заметил.

— Что ж, и на том спасибо. — Вздыхнул Кондрашов, которому порядком поднадоело это нетканье. — Не смею вас больше задерживать. Давайте подпишу пропуск.

Когда дверь за Майстриюком закрылась, Никита откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. Ну, что, пододбьем бабки. Только в понимании обывателя, насмотревшегося по телевизору дешёвых детективов, сыщик — тот, кто гоняется за преступниками с пистолетом наголо по крышам и подворотням. В реальности всё иначе. Оперативник потому и называется оперативником, что оперирует информацией. Кроме того, он сродни психологу и обязан разбираться в людях, иначе грош ему цена. Но это ведь только сказать легко, а свести воедино фрагменты впечатлений и составить целостное представление о человеке после двадцатиминутной беседы совсем непросто. И всё же... На вид Георгий Остапыч простоват. Про таких говорят, на лбу написано среднее, максимум среднее специальное образование. В то же время мутный он какой-то и несомненно обладает той самой присущей провинциалам хитрецей, которая помогает устраиваться в жизни и выживать там, где другие обречены если не на вымирание, то на жалкое прозябание. Он — фигурально выражаясь, кукушонок, который запросто выбросит из гнезда приёмной мамыши всех потенциальных конкурентов, лишь бы застолбить для себя место под солнцем.

Предвзятостью попахивает, товарищ подполковник, попе- нял себе Никита. Вероятно, сказывалась какая-то необъяс- нимая юношеская ревность, что ли. Чего уж лукавить, на протяжении разговора, разглядывая Галкиного избранника, он не раз подспудно задавался вопросом: вот спрашивает- ся, что она в нём такого нашла? Нет, конечно, мужик вид- ный, спору нет, но ведь самый же обыкновенный – не ин- теллектуал уж точно... Верно говорят, что женщины – суще- ства с другой планеты! По каким критериям они выделяют из массы представителей противоположного пола кандидата в спутники жизни – вопрос вопросов. Уважая Галкин выбор, Никита рассудил, что ей виднее... было. Но всё-таки остал- ся при своём прежнем мнении: ведёт себя Майстрюк, мяг- ко говоря, странно. С одной стороны, осторожничает, слова лишнего на сказал, с другой – нервничает так, словно у него рыльце в пушку. Короче, поди разберись, что у него на уме.

Признав таким образом, что ни на шаг не продвинулся в понимании причин произошедшего несчастья, Никита на- помнил себе, что время дорого. Пока на западном фронте без перемен, – так он называл относительно спокойные дни, когда умеренное количество происшествий на территории округа не требовало его личного участия в процессе, – сле- довало пользоваться моментом. Руководствуясь этим сооб- ражением, он снова взялся за телефон и набрал номер Гал- киной дочери.

После нескольких длинных гудков абонент отклонил вы-

зов. Невежливо, подумал было Кондрашов, но взглянув на часы, сообразил, что вежливость тут, пожалуй, ни при чём. Время – чуть за полдень. Сессия закончилась, но почти наверняка у без пяти минут стоматолога Дарьи Викторовны Артамоновой сейчас в самом разгаре какая-нибудь практика. Так что, весьма вероятно, что девушка занята и ответить не может. Позвоню позже, решил он.

Но Даша его опередила. Она сама набрала ему примерно через час.

– У меня определился ваш номер. Вы насчёт резюме?

– Нет! Но спасибо, что перезвонили. Я – начальник отдела уголовного розыска Управления внутренних дел Северо-Восточного административного округа подполковник полиции Кондрашов, – отрекомендовался он по всей форме. – А кроме того, я...

– Я знаю, кто вы, – неожиданно заявила Даша. – Вас ведь Никитой зовут?

– Совершенно верно, – подтвердил он, догадываясь откуда ветер дует.

– На следующий день после вашего школьного юбилея, мы с мамой созванивались. Она мне и о вас, и о вашем общем друге Коле Лукине рассказала, – объяснила свою осведомлённость девушка, полностью подтвердив его предположение.

Голос её дрогнул. В трубке послышался всхлип. Любые слова в такой ситуации были бы лишними и бесполезными,

поэтому Никита промолчал, дав ей время, чтобы успокоиться.

– Что вы хотели? – взяв себя в руки, поинтересовалась Даша.

– Поговорить, – просто ответил Кондрашов.

– По поводу мамы? – спросила Даша.

– Да. Возникли некоторые вопросы. Не могли бы вы подъехать ко мне в Управление, – попросил Никита.

– Конечно, конечно, – сразу согласилась она. – Я освобожусь около пяти. Куда подъехать?

– Улица Вешних вод, 10, – не первый уже раз за сегодняшний день назвал адрес Кондрашов. – Когда будете на КПП, наберите мне.

Некоторое время они с интересом разглядывали друг друга. Он, невольно сопоставлял внешность сидевшей напротив девушки с Галкой в молодости. Она, вероятно, тоже сравнивала реального Никиту Кондрашова с портретом, нарисованным матерью. К каким выводам пришла Даша трудно сказать. Что до Никиты, то черт роднящих дочку с мамой, он не обнаружил. Ну, разве что, голос похож, как теперь модно выражаться, до степени смешения. А в остальном барышня либо в папу, либо вообще в себя – такое тоже не редкость.

– А позвольте полюбопытствовать, о каком резюме вы по телефону упомянули? – первым нарушил немой процесс взаимодействия Кондрашов.

– Практика на носу. Я в три клиники разослала резюме с сопроводительными письмами. Жду отклика. Думала, вы – потенциальный работодатель, вот и перезвонила, – объяснила Даша.

– Значит, мне повезло. – Усмехнулся Никита.

– В каком-то смысле, так и есть, – на полном серьёзе сказала девушка. – Достали уже разные аферисты. Обычно я на звонки с непонятных номеров не отвечаю. А если вижу пропущенный вызов с незнакомого телефона, не перезваниваю.

– Мудро, – одобрил подобную предосторожность Кондрашов, по долгу службы наслышанный о том, что Москву в последнее время буквально захлестнул вал телефонного мошенничества.

– Никита... Извините, как ваше отчество? – спросила Даша.

– Александрыч.

– У вас были ко мне вопросы, Никита Александрыч, – напомнила она о заявленной цели встречи. – Что, какие-то формальности?

В чём в чём, а в умении брать быка за рога, девочке не откажешь, отметил про себя Кондрашов. Вот уж точно, яблочко от яблоньки... Подобная манера была присуща и её матери.

– Нет. С формальностями как раз полный порядок, – сказал он. – С точки зрения закона самоубийство не преступление, а сугубо личное дело гражданина. Уголовно наказу-

емо доведение до самоубийства – статья 110 УК. Работает она исключительно при наличии соответствующих признаков... – Кондрашов прервался, подыскивая примеры. – Скажем, имеется собственноручно написанная человеком предсмертная записка: в моей смерти прошу винить и так далее... Или на теле покойного обнаружены следы истязаний, которые могли стать причиной самоубийства... Или хотя бы есть показания свидетелей о том, что подобное имело место быть... А при отсутствии чего-то подобного, никому и в голову придёт заморачиваться на эту тему. В нашем случае ничего даже близко похожего нет, так что, со дня на день следователь, который занимается проверкой, вынесет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Никита взял паузу, давая Даше время осмыслить услышанное.

– Но если наше многоуважаемое следствие устраивает вариант «списали и забыли», то меня – нет, – заявил он. – Насколько мне известно, Галина материально уж точно не бедствовала, проблем со здоровьем не имела, была счастлива с новым мужем и, больше того, ждала ребёнка. И чтобы ни с того, ни сего свести вдруг счёты с жизнью?! Не верю! Так не бывает. Ты-то сама в беспричинную смерть мамы веришь?

Распалившись, он сперва даже не заметил, что обращается к Даше на «ты». Впрочем, девушку это ничуть не покорибило, она лишь отрицательно помотала головой, сказав:

– Не очень.

– Прости, что я «тыкаю»! – опомнившись, извинился Никита.

– Да всё нормально. Вам можно, – успокоила его Даша, после чего поделилась своими сомнениями. – Я в юридических тонкостях не разбираюсь, но думаю, одного нашего с вами неверия будет маловато, чтобы следователь изменил своё решение и всерьёз занялся выяснением причин маминого ухода из жизни.

– Этого и не требуется, – уверил её Кондрашов. – Чтобы докопаться до истины, мне следак не нужен. Сам как-нибудь справлюсь. Слава богу, опыта хватит, да и кое-какими возможностями располагаю. Нужна информация. Может, у мамы в последнее время какие-то проблемы возникли? Ну, мало ли, неприятности на работе или ещё что.

Даша его поняла.

– Вас ведь интересует, последние неделя-две перед тем как...? – уточнила она, так и не закончив фразы.

Никита утвердительно кивнул, после чего девушка отрицательно помотала головой.

– Мне ни о чём таком не известно. Да и вообще, мы с нею уже с месяц не виделись. Лучше вам расспросить Георгия, – посоветовала она.

– Он уже у меня сегодня побывал, – поспешил проинформировать Дашу Кондрашов.

– И что? – любопытствовала та

– И ничего, – в тон ей ответил Никита. – То есть, совсем

ничего.

– Честно говоря, не удивлена. Он такой! – не без язвы заметила девушка.

– Такой, это какой? – Ухватился за концовку фразы Никита.

– Себе на уме, – коротко, но ёмко охарактеризовала своего отчима Даша, признавшись: – Симпатии я к нему не испытываю, но мало ли кто мне несимпатичен! В общем, ничего плохого сказать о Георгии не могу. Мама его любила, а остальное не моё дело.

Ты смотри-ка, оказывается, не мне одному этот парень не нравится, отметил про себя Кондрашов.

– Как я уже сказал, Майстрюк отмолчался, – повторился он. – Может, ты всё-таки что-нибудь припомнишь?

Девушка беспомощно развела руками.

– Вы поймите, мы с мамой порознь жили почти два года уже. Виделись в лучшем случае раз в месяц. Общались главным образом по телефону.

– В последние дней десять созванивались? – настойчиво подталкивал её в нужном направлении Никита.

– Ну, да, – подтвердила Даша, – раза три.

– О чём говорили? Важны любые мелочи.

Она задумалась.

– Да ничего такого. В первый раз мама сама мне позвонила на следующий день после вашей юбилейной встречи. Весёлая была. Все уши прожужжала по вас, про Лукина. Раз де-

сять повторила: как здорово, что наконец пересеклись. Обещала меня с вами познакомить на дне рождения. А мы видите, где познакомились...

Девушка обвела кабинет взглядом. Глаза её наполнились слезами – того гляди расплачется. Хуже нет, берeditь незатянувшуюся рану. Шутка ли – так нелепо, необъяснимо потерять мать. Кондрашов по опыту знал, что нет лучшего способа отвлечь человека от горестных воспоминаний, чем вопросы, требующие сосредоточенности, поэтому настойчиво продолжил выпытывать:

– О чём-нибудь ещё говорили?

– Обычные женские темы: о здоровье, о её беременности... В следующий раз уже я ей набрала через несколько дней, – продолжила вспоминать Даша. – Разговора не получилось – только и успели поздороваться. Она сказала, что очень занята и перезвонит позже, но так и не перезвонила... В третий раз тоже я ей звонила. Мама не ответила – написала, что находится в банке, разговаривать не может. Вот, собственно, и всё.

– Созванивались по ватсапу? – уточнил Никита.

Девушка утвердительно кивнула.

– Даты и время звонков восстановить сможем?

– Конечно. Я ничего не удаляла, – заверила сказала она, невольно втягиваясь в блиц-опрос и гадая, к чему эти вопросы.

– Сообщение она тоже через ватсап отправила?

– Да, – подтвердила Даша.

– Ты его не удалила часом?

– Нет, – ответила она.

– А давай-ка на него взглянем! – предложил Никита.

Сообщение нашлось быстро. В нём содержалось следующее: «Говорить не могу. Я сейчас в ВТБ. Это надолго». Отправлено четвёртого июля в 15:49. Всё это Никита аккуратно переписал в свой ежедневник. Не забыл он зафиксировать даты и время предыдущих двух звонков: двадцать девятого июня в 17:19 и второго июля в 13:54.

– Это имеет какое-то значение? – с надеждой в голосе поинтересовалась Даша, покончив с извлечением информации из смартфона.

– Пока не знаю. Но, как показывает практика, значение может иметь всё что угодно, – уклонился от ответа Кондрашов, пообещав лишь: – Буду работать!

Условившись быть на связи, они расстались. Проводив Дашу, Кондрашов некоторое время сидел и размышлял. Первый звонок вообще ни о чём: мать поделилась радостью от встречи с друзьями юности и всякое такое. Второй тоже оказался не слишком информативным. Ну, занята была. Что тут такого? Третий звонок... Из конкретики разве что ВТБ. Стоп, стоп, стоп! Там же Стас в службе безопасности не последнее лицо. Недолго думая, Кондрашов принялся рыться в визитнице и, отыскав нужную карточку, набрал указанный на ней номер.

– Добрый вечер, Станислав Василич! – поздоровался он, едва после долгих гудков в трубке раздалось произнесённое хорошо знакомым голосом «слушаю».

Со Стасом Блиновым они были однокашниками. Тот двенадцать лет проработал опером на Петровке. Неплохо рос, однако по каким-то причинам, о которых распространяться не желал, ушёл из уголовного розыска и обосновался в службе безопасности ВТБ. Поначалу они контактировали довольно плотно и даже пару раз выручали друг друга в плане обмена информацией. Но в последние год-два отношения поддерживали на уровне редких телефонных звонков, и так сложилось, что месяца четыре уже вообще не виделись и не слышались. Не мудрено, что Блинов звонку старого товарища обрадовался.

– Саныч?! Давненько ты не проявлялся. Куда пропал?

– Кручусь-верчусь... – не слишком убедительно объяснил провал в общении Кондрашов.

– Да всё понятно – забот невпроворот! – избавил его от объяснений Стас. – Ты ж теперь – большой начальник. Розыском в СВАО руководишь.

– Типа того, – признал Кондрашов, поинтересовавшись в свою очередь: – Тебе-то откуда об этом известно?

– Так ведь ёпер – всегда ёпер! – отшутился Блинов. – Приходится держать руку на пульсе.

– А я вот тоже слышал, что ты недавно в заместители начальника службы безопасности Внешторгбанка выбился, –

не стался в долгу Никита.

– Интересно, какая птичка тебе это на хвосте принесла? – Подивился его осведомленности Блинов.

– Так, я ж – хоть и на руководящей работе, но как был, так и остался ёпером. Причём, в отличие от тебя, действующим.

– Кто ж спорит. Небось, по делу звонишь? – напрямик спросил Стас.

– По делу. – Не стал лукавить Кондрашов. – Хотел узнать в каких отношениях с твоим банком состоит один человек. Поможешь по старой памяти?

– Присылай запрос. В момент сделаю, – пообещал Блинов.

– А без запроса? – ненавязчиво прощупал почву Никита. – Тут личное.

– Поясни! – потребовал Блинов.

Кондрашов вкратце изложил суть дела, закончив словами:

– ...А теперь прикинь, после визита в ВТБ двух суток не прошло, как она покончила с собой. Сам понимаешь, при таком раскладе твой банк – единственная зацепка.

– М-м-да уж, – издал невнятный набор звуков бывший коллега. – Ну, коли так, давай прямо сейчас и посмотрим.

– Что, вот так сразу? – Не поверил своим ушам Никита, не привычный к подобной оперативности.

– Как-никак в двадцать первом веке живём! Артамонова, говоришь?

– Артамонова Галина Генриховна.

В трубке послышался стук пальцев по клавиатуре – надо

полагать, Блинов забивал данные в поисковик.

– Есть такая клиентка, – буквально через несколько секунд сообщил заместитель начальника банковской безопасности. – Обращалась второго июля сего года в наш офис на Менжинского. Подала заявку на кредит под залог недвижимости – трёхкомнатной квартиры площадью 96 квадратов по адресу: проезд Дежнёва...

– Не утруждайся. Адрес я знаю, – прервал его Кондрашов, крайне заинтригованный подобным оборотом и жаждущий продолжения. – Дальше давай!

– Заявка была одобрена. Четвёртого подписали договор, кредитно-обеспечительную документацию и документы по страхованию. Оформление залога на недвижимость в Росреестре оформлял банк...

– Сумма кредита? – вновь перебил его сгорающий от нетерпения Никита.

– Восемь миллионов рублей, – невозмутимо озвучил величину займа Станислав Васильевич. – Деньги получены в полном объёме седьмого числа. Причём, по настоянию клиента вся сумма выдана наличными.

– Однако, – пробормотал Кондрашов.

Восемь миллионов – деньги нешуточные. На его профессиональном веку было полно случаев, когда людей убивали и за куда меньший куш. Понятно, что убийство и самоубийство, выражаясь языком одесситов, – две большие разницы, но, как говорится, есть повод задуматься.

Блинов же воспринял его односложную реплику в ином ключе.

– Не так уж это и много. Рыночная цена её трёшки – под тридцатник. Кредитная история образцовая. Опять же есть весьма высокооплачиваемая работа. Свободно могла получить и вдвое больше, но просила восемь, восемь и получила.

– А чем её кредитная история так замечательна? – не преминул поинтересоваться Кондрашов, памятуя о золотом правиле каждого сыщика: дополнительная информация никогда лишней не бывает.

– Сейчас расскажу в подробностях... – Снова слышался стук пальцев по клавиатуре. – Вот я как раз в неё вошёл. В 2017-м Артамонова брала в Россельхозбанке ипотечный кредит сроком на восемь лет для приобретения трёхкомнатной квартиры – той самой, которая сейчас у нас в залоге. На тот момент твоя подруга располагала приватизированной двушкой – тридцать восемь квадратов – в доме, подлежащем сносу по программе реновации. Взамен ей должны были предоставить равноценную по площади в новостройке. При таком метраже речь могла идти только об однокомнатной квартире, что Артамонову не устраивало – она хотела улучшить жилищные условия. Короче, прежняя жилплощадь пошла в зачёт стоимости приобретаемой квартиры, недостающую часть она добила кредитными средствами.

Никита хорошо помнил эту так называемую жилплощадь – распашонку в хрущёвке. Галке пришлось вероятно допла-

тить раза в три больше, чем стоила доставшаяся от родителей в наследство халупа, прикинул он. Всё это, собственно говоря, и подтвердил Блинов, сообщив:

– По тем временам сумма займа была внушительной – двенадцать миллионов рубчиков. Однако госпожа Артамонова не допустила ни единой просрочки и даже погасила заём досрочно, за семь лет.

– То есть в этом году, – произведя в уме подсчёт, констатировал Никита.

– Двенадцатого марта, – внёс уточнение Блинов и проникновенно добавил: – Я в этой банковской каше уже порядочно варюсь и насмотрелся всякого. Не скрою, бывало, что наши заёмщики от безысходности выскакивали из окон, лезли в петлю или травились какой-нибудь гадостью. Но происходило такое обычно через полгода-год или попозже, когда человек осознавал: всё – вилы! А чтоб на второй день после получения кредита заёмщик покончил с собой, такого не упомяну. Уникальный случай!

– Вот и я о том же. – Вздохнул Кондрашов и попросил: – Можешь уточнить время, когда она посещала банк?

– Легко, – отвечал Блинов: – Первое обращение второго июля в 13:40... Я тебе называю время получения талона электронной очереди... Подписание договора состоялось четвёртого в 16:02. Деньги выданы кассиром седьмого в 17:25.

Кондрашов аккуратно занёс даты и время в органайзер.

Слова Даши полностью подтвердились. Оба раза она звонила матери, когда та всю занималась оформлением займа, и соответственно ей было не до разговоров. Похоже, девочка о кредите ни сном, ни духом, потому как ни словечка о нём не проронила, при том, что самолично дала наводку на банк. Так что, вряд ли удастся у неё выяснить, для каких целей Галине потребовались деньги, причём срочно, в чём Никита уже не сомневался. А сумма-то немалая! Зачем? И как этот чёртов кредит связан с самоубийством? И связан ли вообще?

– Ау! Ты ещё здесь? – вывел его из задумчивости голос Блинова.

– Спасибо, Стас! – очнувшись, поблагодарил он. – Ты меня знаешь, в долгу не останусь.

– Сочтёмся, – пообещал Блинов. – Тебе, кстати, тоже спасибо.

– Мне-то за что? – Не понял Никита.

– Проинформировал, что мы лишись клиентки. Особых проблем не предвижу, но своевременно уведомить руководство не помешает. До связи.

Муж и жена – одна сатана, невольно вспомнил Кондрашов народную мудрость, закончив разговор. Хотя, в наше время брачных договоров, чёрт его знает... Скажем так, Майстрюк может быть в курсе, что это за кредит такой непонятный. Надо бы его завтра потеревить... Хотя, стоит ли спешить? Время терпит – что могло произойти, то уже произошло. Дождёмся, что нароет Максимов, а потом уж...

Есть многое на свете, друг Горацио...

Словно в отместку за бессобытийный прошлый день, ночь выдалась та ещё. Чуть за полночь, вернувшаяся из санатория пожилая женщина, крайне раздосадованная тем, что муж не встретил её на вокзале и не отвечает на её звонки, обнаружила своего благоверного дома с перерезанным горлом и следами пыток. Потом собачник, которому по каким-то причинам вздумалось ещё затемно выгулять своего питомца в Лосином острове, наткнулся на бездыханное тело молоденькой девушки. Бедняжку, по всей видимости сперва изнасиловали, а потом задушили. Такое вот у нас гендерное равновесие, мрачно констатировал Кондрашов, выслушав доклад дежурного.

Два криминальных трупа за ночь даже по меркам округа с полуторамиллионным населением многовато. Естественно поднялась страшная кутерьма. Руководство задёргло с самого утра. Никита отфутболил оперативников по адресам и с нетерпением ждал хотя бы мало-мальски обнадеживающих результатов – может, хоть где-нибудь, хоть за что-нибудь удастся зацепиться. Когда позвонил Лукин, он пребывал в жутком напряге.

– Как дела? – после взаимных приветствий осведомился друг юности.

– Как сажа бела! – угрюмо отреагировал Никита. – Две

«мокрухи» за сутки.

– Вообще-то, я насчёт, Галки, – уточнил Лукин.

– А-а-а... – неопределённо протянул Никита и, подразумевая неожиданно-негаданно всплывшую вчера вечером информацию, прибавил: – Кое-что подсобрал.

– Так, может, пересечёмся где-нибудь на нейтральной территории за чашечкой кофе? – предложил Николай. – У меня тоже есть кое-что, которое следует обмозговать.

– А по телефону никак? – посмотрев на часы, спросил Кондрашов.

В его планы, в связи с возникшей запарой, подобное кофепитие, мягко выражаясь, не вписывалась.

– Никак, – сказал, как отрезал, Николай.

– Ладно, – скрепя сердце, согласился Никита. – Только у меня времени в обрез, так что давай обойдёмся без чаёв-кофеёв. Перетрём и разъедемся. Идёт?

– Идёт.

– Где?

– «Тойота центр Левобережный» знаешь?

– Перед поворотом на Химки?

– Да.

– Знаю.

– Если не возражаешь, давай встретимся часов в двенадцать у них на парковке, – обозначил время и место Николай, объяснив свой выбор того и другого: – Мне надо там машину из сервиса забрать. Да и тебе добираться не так чтобы долго.

– Договорились.

– Ну и зачем ты меня сюда вытащил? – сварливо поинтересовался Кондрашов, когда Лукин подсел к нему в «камри».

– Хочу тебя ознакомить с кое-какими документами.

Он вытащи из папки, которую держал в руках, какую-то без сомнения официальную бумажку и протянул Никите.

– Вот, взгляни!

В верхней части листа красовался безошибочно узнаваемый зелёный логотип самого крупного банка России. Назывался документ «Выписка по счёту вклада «Лучший». Чуть ниже и левее столбиком располагалась следующая информация: вкладчик Артамонова Галина Генриховна; номер счёта; тип счёта; сумма вклада; срок размещения; процентная ставка и так далее. Центральную часть листа занимала таблица с расшифровкой операций. Заверялся сей документ подписью сотрудника и синей печатью Сбербанка.

– И что? – не уразумев, что собственно он должен был почерпнуть из данной выписки, спросил Кондрашов.

– У Гали был открыт вклад в Сбере на один миллион рублей под четырнадцать процентов годовых, – терпеливо пояснил Николай.

– Это я понял. – сказал Никита и повторил свой вопрос: – И что?

– Даю подсказку. Обрати внимание на дату открытия,

срок размещения и дату закрытия, – порекомендовал Лукин.

Никита обратился. Дата открытия – одиннадцатое января этого года. Срок – шесть месяцев. Дата закрытия – четвёртое июля... До полугода самую малость не дотянула, смекнул наконец Никита. Разумеется, он имел некоторое представление о правилах размещения денежных средств в банках и знал, что при досрочном расторжении договора вкладчик вместо обещанных четырнадцати получает всего одну сотую процента, то есть, почти ничего.

– Получается, она за здорово живёшь подарила банку семьдесят тысяч, – полувопросительно пробормотал Кондрашов.

– Вот именно. Уж недельку-то могла бы и дотерпеть, – заметил Лукин. – Тебе не кажется это странным?

Между тем, мысли Никиты текли своим чередом. Четвёртого опустошила счёт в Сбербанке. Седьмого получила кредит наличными во Внешторгбанке. Всё одно к одному.

– Вчера днём показалось бы, а сейчас нет, – после паузы произнёс он и начал было рассказывать о том, что поведал ему Блинов относительно крупного займа, полученного Галиной накануне самоубийства.

Едва слышав ключевые слов «кредит» и «ВТБ», Николай жестом остановил приятеля.

– Об этом кредите мне известно.

– Откуда? – неподдельно удивился Никита.

– Отсюда.

Лукин полез в заветную попку, из которой только что извлёк сбербанковскую выписку. На сей раз в руках у него появилось несколько скреплённых степлером листов. На титульном значилось «Скоринг Бюро».

– Из кредитной истории Артамоновой Галины Генриховны, – кивнув на бумаги с самым невинным видом сообщил Николай изумлённому Кондрашову. – Там на пятой странице вся информация.

– Не включай дурака, Коля! – Укоризненно покачал головой Кондрашов: – В том, что на пятой странице найдутся сведения об этом кредите, я ничуть не сомневаюсь. Только вот я о нём узнал от заместителя начальника СБ самого ВТБ, а ты-то где ухитрился добыть кредитный отчёт? В открытых источниках такая информация не публикуется.

Лукин смущённо потерел мочку правого уха.

– Да и банковскую тайну, насколько мне известно, никто пока не отменял, – продолжил напирать Никита, попутно разъяснив, что именно он имеет в виду. – У тебя на руках выписка из Сбера... Причём, даже не копия, а оригинал на фирменном бланке с синей печатью! Откуда дровишки? Ты же вроде как – айтишник, и работаешь на Касперского, не без сарказма напомнил он.

– Не зря говорят, старого воробья на мякине не проведёшь, – Смутился Лукин.

– Старый не старый, а стрелянный точно, – походя заметил Кондрашов и потребовал: – Колись! Чего я не знаю?

– Видишь ли... – протянул Николай, словно размышляя, стоит говорить или не стоит, и по-видимому рассудив, что с логикой, а тем более с уголовно-розыскным опытом Никиты, тягаться бессмысленно и тот всяко его переиграет, решил не мудрить и рассказать о себе правду: – В том, что я – реальный айти специалист, можешь не сомневаться, и формально я действительно работаю на Касперского. Но, если отбросить в сторону кокетство, то скорее он работает на нас.

– На вас? – На лице Никиты появилось озадаченное выражение. – А вы, я извиняюсь, кто будете?

– ЦИБ, – односложно ответил Лукин.

– А по-русски? – поинтересовался Кондрашов, которому озвученная аббревиатура ровным счётом ни о чём не говорила.

– Центр информационной безопасности ФСБ, – неохотно расшифровал название организации Николай.

– Что-то типа нашего Управления «К»? – попытался провести параллель Никита.

– Типа, – подтвердил Лукин. – Только круче. Полномочий и возможностей в разы больше. И, как ты понимаешь, никакой банковской тайны для моей конторы просто не существует, – объяснил он происхождение только что продемонстрированных документов.

А сразу сказать нельзя было? Друг называется! – подсадовал было Никита, но сам же себя и урезонил: значит нельзя. Да и с какой стати? И дружба здесь ни при чём. Глупо оби-

жаться. Везде свои правила, которые требуется соблюдать.

– Ты, стало быть, у нас фээсбешник? – лишь уточнил он.

– Не лез бы ты в дебри, – посоветовал товарищу Лукин. – Я и без того слишком много тебе сказал.

– Убедил. Замнём для ясности, – согласился не задавать лишних вопросов Кондрашов.

Николай удовлетворённо кивнул.

– Для тебя должно иметь значение только одно: я был и остаюсь твоим другом. А ещё, что тоже немаловажно, я имею возможность помочь тебе разобраться в причинах Галкиной смерти. И, уж поверь, узнать правду мне хочется не меньше, чем тебе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.